

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
СОХРАНЯЯ ПОЛЕЗНОСТЬ
7

ГЛАВА 1
ПРИМЕР НИЧЕГОНЕДЕЛАНИЯ
29

ГЛАВА 2
НЕВОЗМОЖНОСТЬ ОТСТУПЛЕНИЯ
68

ГЛАВА 3
АНАТОМИЯ ОТКАЗА
114

ГЛАВА 4
УПРАЖНЕНИЯ НА ВНИМАНИЕ
159

ГЛАВА 5

ЭКОЛОГИЯ ЧУЖИХ

206

ГЛАВА 6

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЧВЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

245

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

289

БЛАГОДАРНОСТИ

317

ВВЕДЕНИЕ

СОХРАНЯЯ ПОЛЕЗНОСТЬ

*Искушение таится в складках цепочки
катастроф.*

ВАЛЬТЕР БЭНЬЯМИН

Нет занятия тяжелее, чем ничего не делать. В мире, где наша ценность определяется продуктивностью, мы стараемся считать каждую минуту, максимально оптимизируем свое время или, учитывая современный уклад жизни, воспринимаем его как финансовый ресурс. Сводя свободное время к числовой оценке, мы взаимодействуем с алгоритмическими версиями друг друга, создаем и развиваем личные бренды. Кому-то упорядочение жизненного опыта приносит своего рода «инженерное» удовлетворение, при этом не избавляя от напряжения из-за чрезмерного давления и невозможности всегда быть в контексте событий. И хотя это чувство быстро растворяется в бесконечном потоке происходящего, иногда оно бывает очень остро. Осознавая, что многое из того, что придает на-

шей жизни смысл, происходит случайно в результате «сбоя программы» и незапланированных встреч, мы не расстаемся с механистическим взглядом на мир, стремящимся уничтожить наше «свободное время».

Еще в 1877 году шотландский писатель и поэт Роберт Льюис Стивенсон назвал сверхзанятость «симптомом недостаточных жизненных сил» и описывал «полуживых-полумертвых, потрепанных людей, едва ли осознающих свое существование, складывающееся из череды обыденных занятий». И все-таки живем мы только один раз. Римский философ Сенека Младший в сочинении «О скоротечности жизни» описывал, какой ужас испытывает человек, оглядывающийся назад и понимающий, что жизнь утекла сквозь пальцы. Очень похоже на то, что чувствуешь, очнувшись после часа «залипания» на Facebook¹:

Оглянись назад в прошлое и осознай... как много было украдено из жизни, когда ты не задумывался о том, что теряешь; как много времени потрачено в бессмысленных сожалениях, в глупой радости, в жадных желаниях, в соблазнах общества; как мало настоящей жизни досталось тебе, и ты поймешь, что умираешь еще до наступления самой жизни!

На коллективном уровне ставки гораздо выше. Мы осознаем, что живем в сложные времена, требующие серьезных решений, а они, в свою очередь, требуют

¹ Социальные сети Facebook и Instagram запрещены на территории Российской Федерации на основании осуществления экстремистской деятельности. Здесь и далее — прим. ред.

того самого времени, которого никогда не хватает. Удобство безграничной коммуникации сгладило нюансы общения, отсекая при этом так много информации и смыслов. В этом бесконечном круге, где общение обесценивается, а время — это деньги, многие важные принципы угасают, а шансов понять друг друга остается гораздо меньше.

Учитывая, как сложно искусству выжить в системе, ценящей только чистую прибыль, на кону стоит и культура. Что общего у «неолиберального техноманифеста судьбы» и «культуры Трампа», так это отвращение ко всем тонкостям, ко всему «поэтическому» или менее очевидному. Подобные «пустяки» неприемлемы, потому что не могут быть использованы или присвоены привычным образом и не обеспечивают ощутимых результатов. (В этом контексте желание Трампа отказаться от финансирования Национального фонда искусств абсолютно не вызывает удивления.) В начале XX века художник-сюрреалист Джорджо де Кирико предвидел сужение горизонта своего рода деятельности как «непродуктивной». Он писал:

В наш век перед лицом все более возрастающего материализма и прагматизма... скоро уже не будет странным представить общество, в котором те, кто живет ради «пищи для ума», больше не имеют права требовать своего места под солнцем. Писатель, мыслитель, мечтатель, поэт, метафизик, исследователь... все, кто пытается разгадать тайну бытия или выйти за рамки, исчезнут с лица земли, как ихтиозавры или мамонты.

Эта книга о том, как сохранить свое место под солнцем. Это практическое руководство по «ничего-неделанию» как акт противодействия экономике внимания¹ со всем упорством китайского дома-гвоздя, стоящего посреди главной автомагистрали. Я хочу, чтобы эта книга была полезна не только художникам и писателям, но и людям, не желающим воспринимать себя «рабочим инструментом» и, как следствие, тем, что может быть «оптимизировано».

Мой аргумент объясняется простым отказом — отказом верить, что быть здесь и сейчас среди людей почему-то недостаточно. Такие платформы, как Facebook и Instagram, пользующиеся нашим интересом к другим людям и извечной потребностью в коммуникации, манипулируют нашими естественными желаниями и извлекают из них выгоду. Уединение, созерцание и простое добрососедство не должны быть самоцелью, но их необходимо признать неотъемлемыми правами, принадлежащими любому живущему на земле.

ВАЖНО ПОНИМАТЬ, что бездействие, о котором я говорю, бессмысленно только с точки зрения капиталистической продуктивности. Ирония, заключающаяся в названии книги «Время тишины», еще и в том, что это своего рода план к действию. Хочу наметить следующую последовательность действий: 1) исключение (не имеет ничего общего с «исключением» 1960-х); 2) уход от вещей и людей; 3) возвращение к «здесь

¹ Экономика внимания — теория, согласно которой внимание людей становится самым важным ресурсом и вокруг него разворачивается конкурентная борьба. (*Прим. ред.*)

и сейчас». Если не проявить бдительности, большинство технологий будет препятствовать нам на каждом этапе пути, намеренно создавая ложные цели для саморефлексии, играя на нашем любопытстве и желании быть как все. Когда мы жаждем своего рода побега, стоит задаться вопросом: «Что означало бы «вернуться на место», если мы называем местом то, где находимся прямо сейчас? Может ли «дополненная реальность» просто означать «отключение телефона»? И что (или кто) останется перед нами, когда мы наконец это сделаем?»

Эта книга ищет скрытые источники двусмысленности и неэффективности на выжженном поле неолиберального детерминизма. Это комплексный обед из четырех блюд в эпоху сойлента¹. И хотя, надеюсь, вы найдете облегчение в простом приглашении притормозить и задуматься, я не имею в виду, что это будет «книгой выходного дня» или трактатом о творчестве. Смысл «бездействия», как его понимаю я, не в том, чтобы вернуться к работе отдохнувшим и готовым к большей продуктивности, а, скорее, в том, чтобы задаться вопросом: что мы в настоящее время считаем продуктивным? Мой аргумент очевидно антикапиталистический, особенно в отношении технологий, которые поощряют капиталистическое восприятие времени, места, себя и сообщества. Это также связано с окружающей средой и историей: я предполагаю, что изменение маршрута и усиление внимания к месту, вероятно, приведут к осознанию своего участия в истории и в более чем человеческом сообществе. С социальной или

¹ Сойлент — растворимый порошок, заменитель еды.

экологической точки зрения конечная цель «бездействия» — переместить фокус с экономики внимания на общественную, физическую сферу жизни.

Я не противник технологий. В конце концов, есть формы технологий — от инструментальных, позволяющих наблюдать за миром природы, до децентрализованных, некоммерческих социальных сетей, позволяющих нам более полно ощущать себя частью происходящего. Скорее, я против того, чтобы корпоративные платформы покупали и продавали наше внимание, а также против разработки и внедрения технологий, которые закрепляют узкое понимание производительности и игнорируют насущное, чувственное и поэтическое.

Меня беспокоит влияние современных социальных сетей на самовыражение, в том числе на право не выражать себя, и их намеренно вызывающие привычки функции. Но главное зло здесь необязательно сам интернет или даже идея социальных сетей; это агрессивная логика коммерческих социальных платформ и их финансовый стимул держать нас в коммерчески выгодном состоянии тревоги, зависти и рассеянного внимания. Более того, это культ индивидуальности и личного брендинга, произрастающий из таких платформ и искажающий наше представление о себе «офлайн» и о месте, где мы на самом деле живем.

ХОЧУ ПОДЧЕРКНУТЬ, куда бы меня ни забросила жизнь, эта книга была создана в районе залива Сан-Франциско, где я выросла и живу в настоящее время. Это место известно благодаря двум вещам: высокотех-

нологичным компаниям и природному великолепию. Здесь вы можете прокатиться напрямик на запад, от офисов венчурных компаний на Сэнд-Хилл-роуд в секвойный лес с видом на море или, выйдя из кампуса Facebook, прогуляться до солончака, полного куликов. Когда я росла в Купертино, иногда мама брала меня с собой, отправляясь в офис Hewlett-Packard, где однажды я даже примерила раннюю версию VR-гарнитуры. Безусловно, много времени я проводила за компьютером. Но также часто мы всей семьей отправлялись на длительные прогулки среди дубов и секвой в парке Биг-Бэйсин или вдоль скал на пляже Сан-Грегорио. Летом меня отправляли в детский лагерь в Санта-Круз, где год за годом приходилось заучивать на латыни *Sequoia sempervirens*.

Я — художник и писатель одновременно. В начале 2010-х, возможно, из-за использования компьютерных технологий в художественных произведениях или из-за проживания в Сан-Франциско мое творчество отнесли к категории «искусство и технологии». Но единственное, что мне требовалось от компьютерных технологий, так это чтобы они помогли полнее раскрыть физическую реальность, и именно к этому я была по-настоящему неравнодушна. В результате меня не покидало странное ощущение: так чувствует себя человек, которого приглашают на техническую конференцию, но который предпочел бы наблюдать снаружи за птицами. Это всего лишь один из двух противоречивых аспектов моей личности: во-первых, как «двурасового» человека, а во-вторых, как человека, создающего «цифровое искусство» о физическом мире.

Я работала как художник в таких странных местах, как Recology SF (также известном как «Свалка»), Департамент планирования Сан-Франциско и интернет-архив. И все это время у меня было двойное отношение к Кремниевой долине: как к памятному уголку моего детства и как к источнику зарождения экономики внимания.

Иногда полезно застревать посередине, даже если это не совсем удобно. Многие идеи данной книги зародились в годы обучения студийному искусству, когда я пыталась доказать его важность ведущим дизайнерам и инженерам Стэнфорда, в большинстве своем не видящих в этом никакого смысла. Единственная производственная практика в моем классе цифрового дизайна — это просто прогулка, и иногда мои ученики сидели на улице и ничего не делали в течение пятнадцати минут. Я понимаю, что это мой способ на чем-то настаивать. Вглядываясь в горы на горизонте и не оставляя мыслей о стремительно развивающейся предпринимательской культуре, я не могу не задаваться вопросом: каково это — создавать цифровые миры, в то время как реальный мир рушится буквально на глазах?

Странные занятия в моем классе являются и своего рода успокоительным. Глядя на своих учеников — да и просто знакомых людей, — я вижу столько энергии, столько активности и столько беспокойства. Я вижу людей, зависимых не только от уведомлений гаджетов, но и от мифов о производительности и прогрессе, неспособных не только расслабляться, но и просто замечать мир вокруг. Летом, рабо-

тая над этой книгой, я стала свидетелем бесконечных катастрофических лесных пожаров. Эти леса, как и место, где вы сейчас находитесь, требуют, чтобы их услышали. Я думаю, нам следует прислушаться.

ДАВАЙТЕ НАЧНЕМ с холмов в предместьях Окленда, города, в котором я сейчас живу. В Окленде есть два знаменитых дерева. Первое — это дерево Джека Лондона, гигантский живой дуб на побережье перед зданием мэрии, красующийся на гербе города. Второе, спрятавшееся среди холмов, менее известно. По прозвищу «Дедушка» или «Долгожитель», это единственное уцелевшее древнее красное дерево Окленда, чудесный пятисотлетний памятник тех времен, когда в ходе золотой лихорадки были вырублены все древние секвойи. Хотя большая часть Беркли-Хиллз покрыта зарослями секвойи, все эти деревья являются «вторичными», выросшими из пней предков, которые когда-то были одними из самых больших на всем побережье. До 1969 года жители Окленда полагали, что все старые деревья исчезли, пока один натуралист не наткнулся на «Долгожителя», гордо возвышающегося над «собратями». С тех пор древнее дерево будоражит умы, о нем пишут статьи, к нему устраивают групповые экскурсии и даже снимают о нем документальные фильмы.

Прежде, еще до вырубки, среди старых секвой Беркли-Хиллз были и навигационные деревья — настолько высокие, что моряки в заливе Сан-Франциско